

те разделы книги Бабста, в которых тот говорит о Фессалии и об исторической роли греческих наемников. Прекрасная характеристика наемничества в Греции IV в., данная Бабстом, положительно оценена и Грановским и Кудрявцевым.

Курсы лекций по истории древнего мира (да и по другим отделам всеобщей истории), читанные П. Н. Кудрявцевым в Московском университете, не были опубликованы. До нас дошли лишь немногие воспоминания университетских слушателей, дающие некоторое представление о Кудрявцеве как преподавателе. Пишущему эти строки лично пришлось слышать самые восторженные отзывы проф. Н. И. Стороженко, проф. В. И. Герье и М. П. Щепкина о лекциях П. Н. Кудрявцева и об отношении к нему студенчества. В. И. Герье в цитированной нами статье подробно описывает впечатление, производимое чтением курса по истории древнего Востока в 1854/55 уч. г.: «Курс Кудрявцева был отражением этого нового, горячего интереса к древнему Востоку, овладевшего наукой, и передавал слушателям одушевление, возбуждаемое в исследователях вновь открытою колыбелью человеческой цивилизации. Новейшая история была тогда запретным плодом в наших университетах, но едва ли студенты стали бы слушать с большим вниманием рассказ о событиях 48 года, чем то, с которым они прислушивались на лекциях Кудрявцева к истории фараонов, только что вышедших из своих гробниц на свет науки, или к новому истолкованию родословной народов в книге Бытия. Несмотря на свою сухость, этот последний предмет имел для студентов особенно заманчивый, таинственный интерес. Это была первая попытка на их глазах связать в одно священную и мирскую историю, внести в область первой твердые научные приемы и одухотворить сухую летопись о завоеваниях и падении восточных государств великими вопросами о происхождении человека и его религиозных идеалов. Здесь, кажется, нужно искать главную причину глубокого впечатления, которое производил этот курс Кудрявцева»¹. Эти воспоминания В. И. Герье весьма примечательны в своем роде. Они свидетельствуют о том, как Кудрявцев мастерски сумел обобщить в своем курсе по истории древнего Востока результаты замечательных открытий в области изучения древнейших культур Передней Азии и Египта. Немалой смелостью в то время было применение научного анализа к библейским данным, что так увлекло студентов. Другой ближайший ученик Кудрявцева С. В. Ешевский, вспоминая о курсе Кудрявцева, посвященном «последним временам языческого мира, первым начаткам христианско-европейского общества», также очень высоко оценивает содержание лекций.

Несколько иной характер имеют воспоминания другого видного представителя русской буржуазной исторической науки акад. К. Н. Бестужева-Рюмина, охарактеризовавшего лекции Кудрявцева по позднему средневековью в своей статье об Ешевском. В представлении Бестужева-Рюмина, Кудрявцев — романтик по натуре, склонный к риторике. Его главное внимание привлекало выяснение и истолкование психологии отдельных человеческих личностей. «Вообще за очерками лиц и развитием мыслей, — пишет Бестужев-Рюмин, — терялись у него политические и общественные отношения»². В то же время Бестужев-Рюмин особо отмечает чрезвычайно тонкий разбор Кудрявцевым трактуемых вопросов. Эта трезвая, лишенная привкуса посмертного славословия оценка лекций Кудрявцева заслуживает большого внимания.

П. Н. Кудрявцев занимает определенное место в истории развития русской исторической науки. О нем и об его трудах, с одной стороны, обычно говорили в том приподнятом, лирически-сентиментальном тоне, к какому обычно прибегали либеральные буржуазные историки при характеристике «людей 40-х гг.», а с другой — изображали его только проводником западных идей, якобы всецело находившимся под влиянием зарубежных научных авторитетов. Такой подход, конечно, неправилен. Наследство русской буржуазной дореволюционной историографии мы должны осваивать критически. В. И. Ленин говорил, что марксисты «...хранят наследство не так, как ар-

¹ «Вестник Европы» 1887, сентябрь, стр. 147 сл.

² К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н, Биографии и характеристики, СПб., 1882, стр. 293.

хивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство—вовсе не значит еще ограничиваться наследством...»¹. И теперь, на расстоянии почти столетнего отрезка времени, Кудрявцева можно рассматривать в историческом аспекте, без всяких «творимых легенд». П. Н. Кудрявцев является типичным представителем романтизма в историографии, причем романтизма эпохи его заката. Однако П. Н. Кудрявцев примыкал к либеральному романтическому направлению, и реакционная школа немецких историков-романтиков с их националистическими тенденциями не оказала на него влияния. По своим философско-историческим взглядам Кудрявцев стоял на идеалистических позициях и по сравнению с Грановским сделал шаг назад. Дружеские предостережения В. Г. Беллинского не оказали, повидимому, должного действия. Широко эрудированный, вдумчивый и серьезный ученый, он вполне самостоятельно подходил к решению ряда исторических проблем и критически оценивал тогдашнюю зарубежную историческую науку. Многие его высказывания и соображения представляют несомненный интерес.

Если в области изучения древней истории П. Н. Кудрявцев и не оставил таких крупных исследований, как в области средневековья, то все же его значительное и интересное антиковедческое наследие, ярко характеризующее состояние историографии в 40—50-х гг. прошлого столетия, должно быть принято во внимание и должно найти свое место в истории русской исторической науки по античному миру.

Проф. И. Н. Бороздин

K. MAJEWSKI, Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich, Вроцлав, 1949 (в серии: «Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego», Seria A, № 13)

Вопрос о торговых связях Рима и римских провинций с древнеславянскими племенами, а вместе с тем вопрос о роли этих связей в процессе социально-экономического и культурного развития указанных племен затрагивают важные стороны древней истории славянства. Однако, несмотря на имеющийся в наличии большой фактический (главным образом, археологический) материал, который прямым образом относится к указанным выше вопросам, до сих пор никак не было сделано попытки свести воедино этот обильный и очень разнообразный, но в то же время сильно разрозненный, распыленный материал с тем, чтобы на основе полной его сводки сделать широкие исторические выводы.

Указанный пробел восполнен теперь выходом в свет капитальной работы, специально посвященной вопросу о торговых связях ранних славян с Римской империей. Книга эта, изданная в «Трудах Вроцлавского научного общества», принадлежит перу одного из виднейших археологов современной народно-демократической Польши — Казимиру Маевскому.

В предисловии к своему труду автор указывает, что он в течение многих лет работал над сбором сведений о находках привозных римских изделий на территориях, которые в первые века нашей эры были заселены славянскими племенами. Наиболее полно ему удалось охватить соответствующий археологический материал, относящийся к Польше. Работа о римских импортных вещах, обнаруженных на территории Польши, была закончена К. Маевским еще до начала второй мировой войны, но опубликовать эту работу автору тогда не удалось². Позднее (в 1939—1941 гг.) К. Маевский продолжил свои штудии, в результате им была написана работа «Римский импорт на территории западных областей Украины».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 494.

² Было лишь напечатано краткое резюме работы, см.: Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie, XVIII, 3, 1938, стр. 264—267.

В рецензируемой книге К. Маевский делает, как он говорит, попытку эскизной разработки данного вопроса уже в более широком масштабе, рассматривая римский импорт на славянских землях в целом. Правда, тут же К. Маевский предупреждает, что настоящий его труд не претендует на исчерпывающую полноту охвата материала. Позднее он предполагает, совместно с участниками его семинария, издать исчерпывающий каталог римских импортных вещей из территорий древнеславянского расселения. В рецензируемой книге К. Маевский делает упор на историческую (в его терминологии «социологическую») интерпретацию вопроса о торговых отношениях Рима с раннеславянскими племенами. Этому посвящены первые 59 страниц книги, которые насыщены богатым содержанием и читаются с большим интересом. В весьма сжатом, сконцентрированном виде автор излагает важнейшие исторические выводы, вытекающие из исследования громадного фактического материала. Последний систематизированно представлен в каталоге находок предметов римского импорта.

Что касается каталога, то хотя ему отведено в книге свыше 150 страниц (и притом нетита), все же он скромно именуется: «Материалами к каталогу...» Такое название, данное каталогу, подчеркивает его неполноту, обусловленную рядом вполне объективных причин, которые специально оговорены в начале книги. Вместе с тем оно напоминает о намерении автора издать в ближайшее время необходимые дополнения каталога с тем, чтобы в конечном счете в нем были учтены по возможности все находки римских импортных вещей со всех древнеславянских земель, как западных, так и восточных.

Книга К. Маевского — результат большой работы, потребовавшейся, прежде всего, для того, чтобы собрать и систематизировать столь обильный фактический материал. Каталог находок римских вещей, проникших к древним славянам в порядке торгового обмена, уже и сейчас очень обширен — он содержит 1399 номеров. Сюда входят культовые вещи (бронзовые фигурки божеств, амулеты и т. п.), бронзовые, глиняные, стеклянные и серебряные сосуды, фибулы, медальоны, ювелирные изделия (перстни, подвески, бусы), монеты. Раздел монет занимает в каталоге 1124 номера, при этом во многих случаях под отдельным номером значатся клады монет, содержащие по несколько десятков, а иногда по несколько сот и даже тысяч экземпляров римских монет.

Последний раздел каталога (Varia) посвящен находкам оружия и орудий труда, предметов домашнего обихода (ключи, оковки ларцов), туалетных принадлежностей и украшений (гребни, зеркала, застёжки и пряжки от поясов, янтарные веретена), игральные «камышки» из стекла и др.

Составление такого каталога потребовало проработки многочисленной литературы, содержащей публикации находок или упоминания о таковых. В ряде случаев в каталог включены вещи, не изданные, но известные автору книги на основании знакомства с различными музейными собраниями или на основании достоверной информации, полученной от различных лиц. На XVIII меловых таблицах дано воспроизведение образцов вещей, импортированных к древним славянам из Рима или римских провинций, а также изображение образцов керамики, изготовленной на месте древнеславянскими мастерами, но под воздействием привозных римских изделий. К книге приложены две карты. Одна из них показывает все основные торговые пути, связывавшие Римскую империю с славянскими территориями. Другая карта, более частного характера, отражает путь, по которому с севера, со стороны Балтийского моря, шел на юг, в Римскую империю, янтарь.

Труд К. Маевского основан на богатом фактическом материале, собранном очень тщательно, что, несомненно, потребовало от автора длительного, большого и кропотливого труда. И хотя свод материала, представленный в книге в виде каталога, не является полным, прежде всего, потому, что он включает материалы почти исключительно западнославянских районов и почти не касается восточнославянских областей, все же он дает автору книги все необходимые основания, чтобы рассмотреть ряд наиболее важных вопросов о торговых связях между древними славянскими племенами и Римской империей.

К. Маевский следующим образом определяет стоящую перед ним проблему. «Сла-

янекие народы, обитавшие в первые века нашей эры на пространствах между Эльбой и Днепром, создали высокую материальную культуру, опираясь, с одной стороны, на собственные традиции, идущие от их предков, творцов лужицкой культуры, а, с другой стороны, под сильным воздействием скифов и кельтов, а позже — в первых веках нашей эры — под влиянием провинциально-римской культуры» (стр. 7).

Ставя перед собой задачу выяснить значение торговых связей между славянскими племенами и Римской империей, К. Маевский выдвигает три основных вопроса, подлежащих специальному изучению: 1) какие импортные вещи обнаружены на территории, населенной древнеславянскими племенами; 2) по каким путям эти вещи доставлялись к славянам; 3) какое влияние ввоз римских изделий оказывал на развитие славянской культуры.

На первый вопрос дает определенный, хотя и не исчерпывающий ответ каталог римских вещей (о нем уже говорилось выше) в совокупности с «обзором важнейших памятников», составляющим первую главу книги. Обзор начинается с рассмотрения металлических изделий. К. Маевский устанавливает, что часть их происходит из галльских и прирейнских мастерских (бронзовые культовые фигурки, изображающие Меркурия, Вакха, Юпитера и др.). Интересно высказываемое К. Маевским предположение о том, что бронзовые фигурки Исида и Гора, находимые в Польше, доставлялись из Ольвии, где культы египетских божеств (Сараниса и Исида) пользовались большой популярностью, как об этом свидетельствует известная ольвийская надпись времени Александра Севера (IOSPE, I², 184). Однако следует заметить, что с этой же точки зрения нельзя считать исключенной и Тиру, где культ египетских божеств (Исида и Сараниса) известен еще с более раннего времени (II—I вв. до н. э.), как на это указывает посвятельная надпись IOSPE, I², 5.

Значительное место среди импортных вещей занимают бронзовые сосуды: капуанские котелки, украшенные дугообразными канцелюрами, и кувшины, часть которых является, очевидно, продукцией александрийских мастерских. Эти кувшины, по предположению К. Маевского, попадали на славянские земли через Крым (т. е. через Херсонес?), далее по Днепру и Припяти. Но в данном случае вряд ли имеются достаточные основания ограничивать возможные транзитные пункты только античными городами Крыма. Импорт александрийских бронзовых сосудов мог свободно происходить также и через Ольвию.

К числу импортных вещей, доставлявшихся к славянам, относятся бронзовые ситулы, миски и ковши италийского происхождения. Последние в большинстве случаев производились в мастерских Капуи. Через причерноморские города изделия такого рода шли не только на северо-запад, но и далеко на северо-восток вплоть до Прикамья и Приуралья. В этой связи следует указать на работу Л. М. Волкович¹ об импортных в Приуралья. В этой связи следует указать на работу (ее К. Маевский не упоминает) попутно перечислены все римские (италийские по месту их производства) ковши, найденные на европейской территории СССР.

Краснолаковая керамика (*terra sigillata*), находящаяся в западнотрансильванских областях, в районах бассейнов нижней Вислы и Варты, на верхнем Днестре, а также восточнее, в местностях, прилегающих к Бугу и Днепру, относится, по определению К. Маевского, в основном к западнотрансильванским провинциям, к центрам керамического производства в Рейшцаберне, Гейлигенберге, Лезу и т. д. Вполне понятно, что к славянам западных районов импортировалась керамика прежде всего из галльских и прирейнских мастерских. Она поступала по различным путям — через Балтийское море и далее по Висле, кроме того, по Дунаю и затем по Мораве и т. д.

Но если уже установлено (на примере некоторых групп бронзовых вещей), что промышленные изделия и произведения художественного ремесла поступали к славянам в первые века нашей эры и через посредство причерноморских городов (Тира, Ольвия, Херсонес), то приходится считаться с вероятностью проникновения неко-

¹ Л. М. Волкович, К южным связям Прикамья в последние века до х. э. и первые века х. э., Гос. Эрмитаж, ТОИИР, т. I, Л., 1941, стр. 219—236.

того количества краснолаковой керамики (*terra sigillata*) и отсюда. Мы теперь хорошо знаем, что города Северного Причерноморья в римское время в очень большом количестве импортировали *terrasigillata* из Малой Азии, она преобладала и в Ольвии, и в Херсонесе, и на Боспоре. Поэтому весьма желательно при изучении краснолаковой керамики, встречающейся во всех древнеславянских районах, тщательно проследить, нет ли там параллелей краснолаковой керамике, представленной столь многочисленными находками в античных городах Северного Причерноморья. Разрешению этой задачи могло бы значительно помочь привлечение работы Т. Н. Кинпович¹.

О возможности проникновения малоазийской краснолаковой керамики к древнеславянским племенам свидетельствуют, в частности, глиняные амфоры, публикуемые К. Маевским. Воспроизведенные в книге (на табл. IX, 7 и X, 3, 4) узкогорлые амфоры хорошо знакомы всем, кто занимается археологией античных городов Северного Причерноморья. Известны и целые экземпляры; фрагменты же подобных амфор встречаются массово в культурных отложениях первых веков нашей эры в Ольвии, Херсонесе и в городах Боспора². Есть ряд оснований, по которым можно считать, что местом производства рассматриваемых амфор была Малая Азия, точнее говоря, южные города Причерноморья. Характерные особенности глины амфор, ее цвет и, что особенно важно, исключительное обилие черных минеральных включений заставляют вспомнить Синоп, хорошо известную нам по клейменым амфорам эллинистического времени. Очевидно, в римский период оливковое масло (в первую очередь) и виноградное вино доставлялись из южных городов Черного моря (район Синоп) в Северное Причерноморье в остродонных узкогорлых амфорах, аналогичных тем амфорам, которые воспроизведены в рецензируемой книге К. Маевского на отмеченных выше таблицах. Иными словами, мы полагаем, что через Тиру, Ольвию, Херсонес на славянские территории проникали в какой-то мере и продукты производства южных причерноморских городов, находившихся на протяжении первых веков нашей эры в весьма оживленных торговых сношениях с Северным Причерноморьем³.

Думается поэтому, что карта № 1, показывающая важнейшие торговые пути, которые связывали славянские земли с античным миром в период Римской империи, нуждается в дополнении: на ней следует показать также и путь, ведущий из Южного Причерноморья через северопричерноморские города в районы расселения славянских племен.

В книге К. Маевского обстоятельно рассмотрены и другие группы находок — стеклянные и серебряные сосуды, фибулы и т. д., причем при разборе каждой группы археологического материала автор характеризует основные районы распространения вещей, выясняет наиболее вероятные места их производства и те пути, по которым они доходили до славянского населения. К. Маевский вполне прав, считая, что стеклянные сосуды, встречаемые на славянских территориях, являются изделиями главным образом Александрии и прирейнских производственных центров. Александрийское стекло могло идти через посредничество северопричерноморских городов. К сожалению, богатейшие коллекции стеклянной посуды из раскопок южнорусских античных городов до сих пор не опубликованы во всей своей массе, и мы не имеем ни одной специальной работы, которая подвергла бы всестороннему рассмотрению этот материал. Ввоз стекла в города Северного Причерноморья из Александрии, отчасти из Сидона

¹ «Die Keramik römischer Zeit aus Olbia, Sammlung der Ermitage, 1929» (серия: Materialien zur römisch-germanischen Keramik).

² Целая амфора рассматриваемого типа, найденная в окрестностях Херсонеса, издана: С. Ф. Стржеleckим, Раскопки в Инкермане в 1940 г., СА, IX, стр. 292, рис. 7 (под рисунком амфора ошибочно датирована V в. н. э., в действительности же она относится к III в. н. э., как это признает и сам автор публикации на стр. 295); все известные С. Ф. Стржеleckому аналогии изданной им амфоре перечислены на стр. 294—295. Ряд амфор того же рода представлен в работе: Т. Н. Кинпович, Таваис, М.—Л., 1949, стр. 73.

³ Подробнее об этом см. в моей книге «Боспорское царство», М.—Л., 1949, стр. 367-

(Сирия), — вне сомнения. Но совершенно не выяснена роль западного импорта: имел ли он место вообще, и если да, то в каком масштабе, из каких центров и какими путями производился этот ввоз стекла из западных районов империи. Теперь мы еще не в состоянии ответить на эти вопросы, хотя как будто есть основания предполагать, что такой импорт действительно имел место, не играя, правда, первостепенной роли. Не менее существенно выяснить наличие местного производства стекла в первые века нашей эры, которое никак нельзя считать исключенным.

Издание стекла из раскопок наших причерноморских античных городов, исследование этой группы очень интересного археологического материала — одна из давно назревших, и притом очень важных, тем. Разрешение отмеченных выше вопросов могло бы, в частности, пролить дополнительный свет на торговые связи между древнеславянскими племенами и античным миром, а вместе с тем оно помогло бы более четко уяснить роль городов Северного Причерноморья в этих связях.

Живой интерес вызывает имеющийся в книге К. Маевского обстоятельный обзор монетных находок. Римские монеты, как в виде отдельных, единичных находок, так и в виде кладов, зарегистрированы на древнеславянских западных территориях, по крайней мере, в тысяче пунктов. В одной лишь Польше до второй мировой войны количество найденных римских монет достигало 15 тысяч экземпляров (стр. 16) ¹.

Больше всего встречаются римские монеты в районе верхнего Одера и в низовьях Вислы, в районе Быдгоща, в дельте Вислы и далее по Балтийскому побережью в сторону Клайпеды. Много монет найдено также в бассейнах Немана, верхнего Прута и Днестра. Обильны находки монет также и в районах рек Днестра, Буга и Днепра. Необходимо полный учет найденных здесь монет. Ведшуюся в этом направлении в Институте археологии АН УССР, но прерванную войной работу (о ней говорит К. Маевский на стр. 48) следовало бы непременно довести до конца. Появившаяся совсем недавно статья М. Ю. Брайчевского ², представляющая краткое изложение специальной монографии этого же автора, показывает, что работа по составлению свода римских монетных находок на территории Украины успешно продолжается. Как указывает М. Ю. Брайчевский, в пределах УССР находки римских монет зарегистрированы в 893 пунктах; в это число входит, помимо единичных находок, 94 клада, заключавших в себе от нескольких десятков до нескольких тысяч монет.

Интересно сопоставить количественное соотношение находок римских монет, происходящих из Польши и Украины, в хронологическом разрезе. Наплыв римских монет на территорию Польши начинает расти со второй половины I в. н. э. и достигает наибольшей интенсивности во второй половине II в. до н. э. Значительная часть кладов относится к периоду от Траяна до Марка Аврелия, а больше всего ко времени Коммода.

Наибольшее количество монет, найденных на Украине, относится к концу I и II в. н. э. Монеты до начала правления Нерона редки. Довольно обычны монеты времен Флавиев; больше всего монет Антонина Пия, Марка Аврелия. Коммод и Септимий Север представлены гораздо меньше, а после Севера римских монет очень мало. Очевидно, события, происходившие в Северном Причерноморье в III в. н. э. и связанные со значительными передвижениями племен, нарушили те связи с римскими провинциями, которые существовали до этого.

Какую роль играли римские монеты на землях древних славян? К. Маевский, к сожалению, не затрагивает этого вопроса. Между тем он имеет существенное значение, тем более что различными исследователями даются на указанный вопрос разные ответы. Одни (например польский археолог Пржеворский) считают, что римские монеты, проникавшие к древним славянам, использовались преимущественно как металл, т. е. что они переплавлялись в целях изготовления различных изделий, прежде всего сереб-

¹ На стр. 46 (примеч. 58) К. Маевский называет другую цифру находок римских монет на территории Польши: свыше 100 тысяч. Повидимому, сюда включены и монетные находки из района Поморья?

² М. Ю. Б р а й ч е в с к и й, Знахідки римських монет на території УРСР, «Археологія», III, Киев, 1950, стр. 93—101.

ряных. М. Ю. Брайчевский держится совершенно иной точки зрения, заслуживающей, как нам кажется, серьезного внимания. Он полагает, что римские монеты, приобретенные в порядке торгового обмена, выполняли у местных племен функции денег. Иными словами, служили средством внутреннего оборота. В подтверждение приводится, в частности, указание на наличие местного чекана монет римского типа, хотя следует признать, что таких «подражаний», например на территории Украины, встречено пока очень мало, и к тому же точное место их происхождения еще далеко не выяснено. К. Маевский поступает правильно, возражая (стр. 18) тем исследователям, которые непомерно переоценивают римские монеты в качестве исторического источника, придавая этой категории вещевых находок несравнимо большее значение, чем всем прочим археологическим памятникам римского импорта.

Крайне важен раздел книги, в котором рассматриваются основные торговые пути, связывавшие Рим (собственно Италию) и римские провинции с древнеславянскими землями (стр. 20 сл.). При решении указанных вопросов автор исходит не только из результатов проработки огромного археологического материала; его выводы основаны также и на критическом анализе всей специальной литературы, в которой уже трактовались те или иные вопросы римской торговли с древними славянами. Нам представляется вполне обоснованным мнение К. Маевского о том, что значительная часть римских товаров проникала к западославянским племенам по «янтарному пути», связывавшему Адриатику с Балтийским морем. Названный путь, проходивший из Аквилей через Виндобону или Карнунт, использовался римскими купцами для вывоза от славян кож, пушнины, пуха, меда, воска, скота, рабов и различного сырья. Из последнего наиболее ценился в Риме янтарь, добывающийся на Балтийском побережье. Оттуда янтарь доставляли в Аквилею, где имелось множество мастерских по выделке самых разнообразных, в том числе и высокохудожественных, изделий из янтара.

Второй путь, соединявший западноримские провинции с славянскими землями, вел морем из Галлии через Данию в Балтийское море, отсюда к устьям рек Одера, Вислы, Немана и далее вверх по этим рекам.

Третий путь — западный, сухопутный, вел из Галлии и прирейнских районов через территорию германских племен (Тюрингия, Саксония, и т. д.) к верхнему Одеру и Висле, а затем вниз по течению в сторону Балтийского моря. Этот путь использовался римскими купцами менее регулярно.

Восточные пути к славянам были связаны с реками Прут, Днестр, Буг и Днепр. Судя по монетным находкам и находкам импортных вещей, наиболее важными были днестровский и бугский пути. Притом имеются основания полагать, как на это указывает К. Маевский, что днестровская магистраль была восточным ответвлением «янтарного пути» (Днестр — Серет — Буг — Висла).

Большое значение К. Маевский придает и р. Буг, служившей одним из главных торговых путей, по которому к славянам и, прежде всего, к восточным, шли изделия восточноримского происхождения. Днепровский путь не рассматривается К. Маевским специально, повидимому, из-за недостатка у него фактического материала. Между тем имеющиеся в наличии, но к сожалению, еще не систематизированные археологические данные говорят о том, что и Днепр в первые века нашей эры безусловно играл видную роль в развитии торгового обмена славян с античным миром. Подвергнутый в последнее время М. К. Каргером специально рассмотрению римский вещевой материал, происходящий из Киева, убедительно свидетельствует о достаточно развитых торговых связях, существовавших между населением среднего Поднепровья и Римской империей¹.

К. Маевский не ограничивается — в этом одно из больших достоинств его работы — восстановлением чисто внешней, фактической стороны торговых взаимосвязей, суще-

¹ М. К. Каргер, К вопросу о древнейшей истории Киева, СА, X, стр. 235 сл.; ср. Б. Д. Греков, Культура Киевской Руси, 1944, стр. 11; П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, 1948, стр. 45—46.

ствовавших между древнеславянскими племенами и Римской империей. Он ставит и рассматривает также вопрос о том, какое влияние оказывала эта торговля на социально-экономическую и культурную жизнь раннеславянских племен. Автор подходит к разрешению этой проблемы методологически верно, избегая обычной для буржуазной науки идеализации воздействия античной (греко-римской) материальной культуры на среду «варваров». Справедливо признавая прогрессивную, положительную роль, которую играл торговый обмен с Римской империей в общем развитии ранних славян, К. Маевский, однако, далек от того, чтобы рассматривать римских купцов как бескорыстных «культуртрегеров». Стремление проникнуть к источникам дешевого сырья, заинтересованность в притоке рабской силы, необходимость расширять рынки сбыта — таковы главные стимулы торговой экспансии Рима за пределы его государственных границ.

Как правильно подчеркивает К. Маевский, эта торговля могла получить надлежащее развитие на территории древнеславянских племен только благодаря тому, что сами славянские племена в начале нашей эры уже достигли такого уровня экономического и социального развития, который мог обеспечить регулярный товарообмен. Последний имел своим прямым результатом не только проникновение к славянам разнообразных ремесленных и специально художественных изделий, которые, несомненно, оказывали известное воздействие на производственные и культурные навыки населения. Дело не ограничивалось ввозом различного рода товаров из Рима и римских провинций. Одновременно к славянам оттуда же проникали и отдельные ремесленники. Некоторые технические усовершенствования в материальной культуре западных славян в первые века нашей эры (строительство более совершенных железоплавильных печей и гончарных обжигательных горнов, применение гончарного круга, техника филигранны и зерни в ювелирном деле и др.) К. Маевский, пожалуй, с некоторым подчас даже преувеличением, рассматривает как результат связей такого рода с Римской империей.

Кажется весьма вероятным предположение К. Маевского о том, что в непосредственном осуществлении торговых операций с западнославянскими племенами главную роль играли не столько италийские купцы, сколько торговцы более близких к этим районам римских областей: Норика, Реции и Паннонии.

Анализируя развитие римского импорта, К. Маевский устанавливает, что характерной особенностью более ранней стадии торгового обмена являлся сбыт славянскому населению, вернее, верхнему социальному слою племен, преимущественно предметов роскоши (различные украшения, нарядные сосуды, богатое оружие). Предметы широкого потребления, более массовые изделия ремесла, орудия труда, инструменты (например, напильники, ножницы и т. п.) входят в состав импортных товаров несколько позднее.

Автор на многочисленных примерах показывает (стр. 31 сл.), как в местных керамических мастерских западнославянских районов изготовлялись различные сосуды, в которых отчетливо выступают следы влияния римского импорта. Следует еще более настойчиво подчеркнуть, что в большинстве случаев «подражания» римским бронзовым, стеклянным сосудам, имевшие место в керамическом производстве славян, были не простым копированием, а творческой переработкой, использованием некоторых технических приемов и художественных элементов, что, однако, в конечном результате вело к созданию славянскими мастерами своеобразных, оригинальных форм, далеко не являвшихся простым воспроизведением римских образцов.

Металлическое производство также испытывало на себе некоторое воздействие римского импорта. Это нашло свое отражение в производстве оружия, фибул, пряжек и т. д. Интересен факт наличия подражаний римским монетам (стр. 33).

Товарообмен с римскими купцами, систематический приток римских промышленных продуктов, в том числе художественных изделий, — все это оказывало соответствующее воздействие на различные стороны социально-экономической и культурной жизни славянских племен. Стремясь расположить к себе вождей и родовую знать, римские купцы нередко прибегали к подкупу, к дорогим подаркам. Ценные подноше-

ния исходили иногда и от римских императоров (стр. 36). Открывавшиеся благодаря развитию торгового обмена с римскими купцами широкие возможности обогащения родовой знати были одной из предпосылок для существенных социально-экономических перемен у древнеславянских племен. Процесс разложения первобытно-общинного строя протекал у них несколько ускоренными темпами, развивалось более резкое имущественное неравенство, усиливалась эксплуатация общинников родовой верхушкой, росло рабство и т. д.

Вывод, которым заканчивает свое исследование К. Маевский, состоит в том, что торговые взаимосвязи между Римской империей и древнеславянскими племенами оказывали влияние на ход исторического развития этих племен. Указанные связи имели значение не только для культуры материальной и духовной, — они воздействовали и на социально-политическую жизнь. Ускоренный распад родовой общины способствовал возникновению зачатков первых славянских классовых обществ, господствующий социальный слой которых создал затем политические организации, т. е. первые славянские государства (стр. 40).

Как видим, торговые связи древнеславянских племен с Римской империей исследованы К. Маевским в широком плане, многосторонне, что позволило автору нарисовать яркую картину и дать интересные исторические выводы. Считаем, однако, что при рассмотрении торговых взаимоотношений римских купцов с древнеславянскими племенами следовало бы рельефнее показать эксплуататорский характер этой торговли в отношении последних, торговли весьма далекой, конечно, от эквивалентности обмена, что характерно для всех торговых связей Римской империи с «варварами».

Некоторые вопросы в книге затронуты только вскользь. Иногда, из-за отсутствия или скудости фактических данных, автору приходилось прибегать в значительной мере к гипотетическим построениям. Но все это ничуть не снижает большого значения работы, представляющей собой ценный труд, посвященный важному вопросу древней истории славянства, первый труд на данную тему, построенный на столь огромном фактическом материале.

Хотя заглавие книги говорит о римском импорте в славянские земли, иными словами, оно как бы обещает осветить римско-славянскую торговлю на всей древнеславянской территории, в действительности автор детально разбирает торговые связи Рима только с западнославянскими областями. Нельзя сказать, что такое ограничение проблемы неправомерно. Но это ограничение должно было бы найти свое отражение и в заглавии книги. Вместе с тем следует подчеркнуть, что К. Маевский разделяет точку зрения тех исследователей, которые рассматривают культуру «полей погребений», как культуру славянскую или праславянскую (см. примечание 90а на стр. 51). Отсюда естественно вытекает для автора книги необходимость соответственно расширить территориальные рамки своего исследования и включить в него, в частности, районы Побужья и среднего Поднепровья. Будем надеяться, что это он и сделает в ближайшем будущем, поскольку, как подчеркивает К. Маевский в предисловии, в его дальнейшие научные планы входит издание полного, исчерпывающего свода материалов, освещающих торговые связи Рима и римских провинций с древними славянами.

При специальном рассмотрении этих вопросов в отношении районов Побужья и Поднепровья должно быть, конечно, в полной мере учтено значение севернопричерноморских городов, особенно Тиры и Ольвии, несомненно, игравших очень важную роль в торговых связях между древнеславянскими областями и античным миром.

В. Ф. Гайдукевич

G. CONTENEAU, *La Civilisation des Hittites et des Hourrites du Mitanni*, P., 1948, 202 стр.

Среди буржуазных ученых, занимающихся историей и археологией стран Переднего Востока, Жорж Контено считается одним из наиболее авторитетных. Его перу принадлежат многочисленные труды и в их числе известный четырехтомный справочник «Руководство по археологии Востока», содержащий огромный фактический материал. Еще в 1934 г. Ж. Контено выпустил книгу о культуре хеттов и Митанни, прошлое которых только в течение текущего столетия стало принимать реальные очертания. Вообще, если не считать «всеобщих историй» типа «Cambridge Ancient History» или «Histoire Générale», имеется не более десяти-двенадцати достойных внимания сводных работ о хеттах, если даже включить в это число такие устаревшие книги, как «Reich und Kultur der Chettiter» Эд. Мейера, вышедшую в 1914 г. С тех пор хеттология сделала огромные успехи, и появляющиеся труды стареют буквально через 2—3 года, так как ведущиеся раскопки обогащают нас свежими сведениями, а дешифровка новых текстов заставляет пересматривать то, что, казалось, было твердо установленным, как это, например, случилось с хронологией III и первой половины II тысячелетия до н. э. для Двуречья и окружающих его стран. Вот почему и работы, появившиеся 15—20 лет назад, как например, первое издание книги Контено или опередившая ее на год «Малая Азия» А. Гётте, далеко не соответствуют современному уровню науки.

В рецензируемой работе учтены последние изыскания как археологов (раскопки в Кюльтепе, Эйюке, Алишаре, Богазкёе, Малатии), так и историков. Таким образом, монография Контено представляет собой, по его собственному замечанию, «краткую сводку всего того, что мы знаем о данном предмете». Естественно, что эти знания ограничены узкими взглядами ученого, не желающего или не могущего преодолеть порочность методологии и методики буржуазной науки. Но если книга Ж. Контено и не отвечает на все вопросы, возникающие при изучении истории и истории культуры хеттов и хурритов, а некоторые толкует неверно, то полнота собранного материала, широкий охват темы, привлечение вновь открытых источников заставляют внимательно отнестись к ней, тем более что оба эти народа, точнее обе группы народностей, представляют для нас особый интерес. Хетты и хурриты были ближайшими соседями племен, заселявших в древности Закавказье, и непосредственно общались с ними на протяжении многих веков; «протохетты» и многие племена Митанни принадлежали к тем же «азиатическим» народностям, что и население Закавказья, а этногенез и культура последних имеют огромное значение для истории народов СССР. «Пути происхождения и развития Триполья не могут быть достаточно полно освещены без изучения культурно-исторических связей, существовавших в III—II тысячелетиях до н. э. у племен далеких областей Днепра, Буга, Днестра, Дуная и Балкан с древними народами Средиземноморья и Малой Азии»¹. У древнейшего населения Поднестровья наряду с чертами средиземноморского типа «можно отметить еще и черты другого — переднеазиатского типа, так называемого „арменоидного“, которому сопутствует крашенная керамика древних земледельческих культур Передней и Малой Азии»². Все это заставляет внимательно отнестись ко второму, дополненному и расширенному изданию работы Контено.

Остановимся сначала на содержании книги с тем, чтобы легче было затем рассмотреть ее достоинства и недостатки, а также взгляды и намерения автора, с которыми они, естественно, неразрывно связаны.

Вся книга состоит из пяти глав и «Заключения». Первая глава — «Общий обзор» — начинается с краткого очерка физической географии Анатолии и Верхней Сирии и определения роли географической среды в развитии обоих народов. Далее делается попытка уточнить этнический состав населения этих стран в III—II тысячелетиях до н. э. При

¹ Т. С. П а с с е к, Периодизация Трипольских поселений, МИА, № 10, стр. 20.

² Там же.